

ТАЛАНТ И ТРУД

«Луначарский когда-то хорошо сказал: «Власть тоже требует таланта». Директор театра, по-моему, должен иметь некое-то «директорское» дарование. Директор... «несчастливый счастливец».

Вл. И. Немирович-Данченко.

ПОРОЙ долгие годы мы живем бок о бок с человеком и как-то не замечаем, что он собой являет для нас. Часто лишь только тогда, когда он уходит, мы начинаем говорить: когда был такой-то, вот тогда-а-а... Это несправедливо. Мы должны своевременно, отдавая должное людям, тем самым беречь их.

Скажи мне, что ты сделал, и я скажу тебе, кто ты, — это мерило ценности человека прочно входит в нашу жизнь. Что сделал Г. П. Никитин? Будучи директором и художественным руководителем филармонии, он наладил дело так, что Горький стал одним из крупнейших музыкальных центров страны. Что в связи с этим написано о Никитине? Ничего. Что ж, в конце концов мы стали и скромнее — больше делаем, чем говорим о сделанном. Но скромность не должна превращаться в ложную стыдливость. Надо писать о Никитине.

СОРОК шесть лет назад в далеком Иркутске, на берегу Ангары, в семье рабочего человека родился мальчик. С юных лет он пел в хоре, любил народные инструменты, занимался у Елены Григорьевны Горолешко — пианистки, профессора-теоретика, постигая премудрости музыкальной науки. Потом он полюбил валторну, занимаясь в училище и стал артистом симфонического оркестра.

Жизненные пути, позволившие накопить ему опыт творческой и организаторской работы, приводят в конце концов Г. П. Никитина к необходимости расстаться с любимым инструментом. Из-за болезни он оставляет занятия в консерватории и окончательно выбирает путь организатора. Пять лет Г. П. Никитин работает директором Горьковского ТЮЗа, четыре года заместителем директора оперного театра, пять лет директором и художественным руководителем филармонии, и

вот, наконец, мы видим его директором театра оперы и балета им. А. С. Пушкина.

Кто такой директор театра? Это человек, который отвечает за все, что в нем происходит. Зрители не видят и не знают его. Но зато он должен видеть и знать многое как внутри театра, так и за его пределами. Нити управления расходятся от дирекции во все клеточки театрального организма. Тут и художественная, и хозяйственная, и финансовая стороны жизни.

Однажды была сделана попытка составить справочник театрального... нет, не директора-администратора. Это заняло почти пятьдесят страниц книги Е. А. Беляева. Круг забот и обязанностей администратора был изложен в ней в ста семи параграфах, причем каждый из них включал в себя множество пунктов и подпунктов. Круг обязанностей директора значительно шире по объему и значительно сложнее по содержанию.

Вспоминаю фестивальные дни филармонии, которые в памяти у многих горьковчан — любителей музыки. Все кругом спешили и волновались, Никитин сохранял полное спокойствие. Все говорили громко, а он, казалось, нарочито тихо. Все действовали, а он будто пребывал в состоянии какого-то отчуждения. Никак не могло уложиться в сознании, что вся эта гигантская машина из сотен ис-

полнителей, тысяч слушателей, которая движется, вертится, играет и поет, имеет к этому человеку прямое отношение. А, между тем, именно он был ее конструктором, именно в его голове она была «запрограммирована» и теперь гладко, словно магнитофонная лента, раскручивалась, из умышленного построения превращалась в систему реальных явлений.

Тогда уже с именем Никитина были прочно связаны такие понятия, как широта, размах, крупные масштабы деятельности. А он во время этих крупных событий никогда не повышал голоса, не «нажимал» не приказывал, одним словом, не делал ничего такого, что по старинке связано у нас с понятием «бурной деятельности». Он мог не делать этого в результате большой воспитательной работы, проведенной в коллективе. Филармонический организм работал четко при полном отсутствии так называемого «волевого руководства».

Теперь Г. П. Никитин управляет еще более сложным театральным организмом. Говорят, одному из полководцев прошлого принадлежат слова: я готов командовать всеми армиями мира, но только не театром. Полководец был прав: в войсках не только в том, что театр — сложная штука, но и в том, что командовать театром просто-напросто нельзя.

Давайте представим себе хотя бы один рабочий день Г. П. Никитина. Примерно такой.

Утро. В театре еще никого нет. Никитин едет в горжилуправление. Старый, попортивший много крови каждому руководителю квартирный вопрос.

Затем встреча с представителями джаза Эдди Рознера по поводу гастролей в помещении театра. Интересная деталь — администратор джаза просит Никитина уменьшить сумму платы обслуживающему персоналу, который должен работать во время аренды помещения театра. «Мы», — говорит он, — все вчера подсчитали с карандашом в руках, у нас не сходятся концы с концами». Никитин говорит, что плохо подсчитали, и начинает в уме пересчитывать. Его заместитель Б. А. Беликов смеется: «Вы с карандашом хуже считаете, чем он в уме». В просьбе отказано.

Составляется репертуарный план на февраль. Дело трудное. Вместе с главным дирижером, главным режиссером, заведующей режиссерским управлением, балетмейстером и администратором сидят долго. Необходимо учесть сотни обстоятельств, многое предвидеть. Дело двигается туго. Я впервые вижу, как Никитин нервничает, потому что администратор, не выполнив его указания, предварительно запланировал несколько спектаклей для школьников не в те дни, в какие следовало. «Если я говорю, что необхо-

димо делать так, а не иначе, — значит я все продумал», — повышает голос Никитин. Очевидно, через какой-то промежуток времени люди поймут, что значит, «все продумал», и подобное станет невозможным. А пока, что ж, пока все идет своим чередом. Наконец, с репертуаром покончено.

Приходит председатель цехкома, приглашает на собрание оркестра. Выступающие говорят о недостатках, о том, как их исправить. Никитину это нравится. Он закрепляет критический тон собрания и говорит о необходимости поразмыслить каждому о своей жизни: или работать хорошо, или, если работа не по душе, искать себе другое поприще.

После собрания обсуждаются вопросы, связанные с поездкой в Москву, где на сцене Кремлевского театра пойдут опера А. Касьянова «Фома Гордеев». Никогда я не предполагал, что гастрольной поездке предшествует такая большая подготовка. Поистине нужно предусмотреть тысячи деталей, тем более, что поездка столь ответственная, хотя и вывозится всего лишь один спектакль.

Все раскладывается по своим делам. Никитин едет то ли в филармонию, то ли на заседание депутатской комиссии горсовета, председателем которой он является.

Вечер. Директор снова в театре. Молавацкий композитор привез новую оперу. Нужно прослушать ее и сделать не-

ТАЛАНТ И ТРУД

(Окончание.)
Начало на 3-й стр.)

обходимое заключение. Прослушивание и обмен мнениями занимают часа три.

Одиннадцать. Окончился вечерний спектакль, в театре погашены огни, все разошлись. Никитин звонит в филармонию, художественным руководителем которой он пока является по совместительству, вызывает машину и едет на вокзал провожать московских гостей, принимавших участие в исполнении «Военного ревию» Бриттена и в других филармонических концертах.

Я знаю, что, возвратившись с вокзала, Никитин еще будет долго работать. В эти тихие ночные часы и происходит обдумывание завтрашнего дня театра в узком и широком смысле слова. Раньше трех он не ложится.

И это не исключительный, не из ряда вон выходящий, а обычный, рядовой рабочий день Никитина. Бывают дни длиннее, бывают короче, менее загруженные и более загруженные. Дело не в деталях, а в принципе. Нужно обладать каким-то особым складом ума, нервной системы, чтобы ежедневно выдерживать этот несущийся поток неотложных дел и больше того — еще самому и направлять его движение. Далеко не каждому дано справиться с этим. Недавно, правда, после очередного рабочего дня, Г. П. Никитин не мог надеть пальто. Не слушалась рука. Ему помогли одеться, отвезли домой... Да, победы легко не даются.

Талант — это прежде всего труд. А если так, то могу с полной ответственностью утверждать: Г. П. Никитин — талантливый руководитель.

Геннадий Петрович работает директором театра оперы и балета полгода. Начал он довольно круто — снял с репертуара только что выпущенный спектакль.

При нем ликвидирована нездоровая обстановка в коллективе, связанная с групповщиной. Это необходимое условие для плодотворной работы.

Взят курс, который должен соответствовать названию театра. С репертуара на стационаре сняты оперетты. Театр в связи с этим переживает болезненный период в финансовом отношении. Но это болезнь роста. Лучше переболеть однажды, чем болеть всегда.

Началось планомерное воспитание зрителя. Для предприятий Приокского района проводятся специальные «дни театра». Предполагается организовать постоянные абонементы для молодежи, школьников.

Осуществлены новые постановки, среди них такие удачные, как «Севильский цирюльник» и «Мазепа». Предполагается поставить «Евгения Онегина» и балет для детей «Доктор Айболит». Вообще вдумчивая работа, которую ведет театр оперы по эстетическому воспитанию детей, приобщению их к миру прекрасного, заслуживает особого подробного разговора, потому что явление это принципиальное и, надо сказать, часто недооцениваемое иными руководителями театров для взрослых.

К работе театра смело привлекаются новые силы. Партия Сергея Есенина в опере

А. Холминова «Анна Снегина» поручена молодому тенору Ю. Антонову, учащемуся подготовительного отделения консерватории. Главный балетмейстер Пермского театра М. Газиев будет ставить два одноактных балета — «Выстрел» Крюкова и «Подвиг» Фридендера. Вместе с «Молодежным карнавалом» А. Нестерова они должны составить интересный балетный спектакль. Педагог из Пермского хореографического училища Плахт ведет в театре показательные уроки. Театр работает с московским композитором Степановым над оперой под условным названием «Отечества сыны». Этот спектакль будет посвящен 50-летию Октября.

Еще немало можно было бы рассказать в том же плане. Ясно главное — в театре поселяется атмосфера творческого поиска, в театре намечается перелом.

Разумеется, он осуществляется силами всего коллектива и каждого работника в отдельности. Серьезным этапом в жизни театра станет предстоящее первое выступление на сцене Кремлевского театра. Будем надеяться на успех. Но, как бы ни прошел этот творческий отчет в Москве, Г. П. Никитин знает — впереди годы кропотливого труда.

НАБЛЮДАЯ работу Никитина, видишь принципы, которыми руководствуется директор.

Он, как мы знаем, делом доказывает, что руководитель должен не руками водить, а работать.

Он понимает, что нельзя руководить тем, чего не знаешь. Если это эскиз декорации — на него нужно смотреть профессиональным взглядом. Если перед тобой музыкант — с ним нужно разговаривать на профессиональном языке. «Вот ты руководишь, а сам ничего не знаешь», — такого за спиной Г. П. Никитина не говорят.

И, наконец, — авось да как бы; давай-давай; вывезем! — все это отправляется на свалку. Мысль — в центре всего. Учиться самому и заставлять учиться других. Думать самому, чтобы и другие тоже думали. Отсюда широкий и смелый взгляд в будущее: завоевать, воспитать зрителя, сделать театр любимым детищем народа.

Вот я смотрю на этого человека, стараюсь понять, что же движет им. Он ходит по кабинету, и вдруг грустная озабоченность пробегает по его лицу. Порой ему мешают работать бюрократы, а он при своей огромной любви к делу ненавидит казенщину, формализм, чинушество. Его приглашали в Москву, предлагали ответственную работу. Он отказался, остался в Горьком, который стал его родиной.

Я смотрю на него и понимаю — он знает, что дело его, как воздух, нужно людям, и поэтому верит в свою миссию строителя культуры. Именно это вселяет силы, смелость и мужество.

«Несчастливым счастливецом» назвал директора театра В. И. Немирович-Данченко. Да, много неприятностей встречается на его тернистом пути. И все-таки быть директором театра, директором, которого ценят и уважают, — это большое счастье.

Е. ФИЛАТОВ